

ВЕЧЕРЪ НА ЗИМНИХЪ КВАРТИРАХЪ.

I.

АЛЛА-ВЕРДЫ.

Не очень весело зимовать нашему брату въ окрестностях Алагеза, близкаго сосѣда Арарата. Глубокій снѣгъ лежитъ здѣсь четыре мѣсяца, метели часты и жестоки, дороги почти непроходимы. Движеніе и дѣятельность населенія прекращаются. Человѣкъ забивается въ свое подземное жилище, вмѣстѣ съ буйволомъ, осломъ, домашней птицей, — со всѣмъ, что его окружало, что съ нимъ двигалось и работало лѣтомъ. И все это, что двигалось и работало на поверхности земли, замираетъ теперь въ ея нѣдрахъ. Даже вода, необходимая для существованія людей и животныхъ, проводится внутрь землянки изъ ближайшаго горнаго ручья или передается туда посредствомъ журавлей, какіе, въ нашихъ степныхъ мѣстахъ, торчатъ надъ колодезьями. Животныя не ходятъ на водопой, а водопой плыветъ къ стойлу, задѣвая походную солдатскую постель.

Отверстіе къ крышѣ, едва выдающейся надъ поверхностію земли, пропускаетъ слабый свѣтъ въ это печальное, первобытное жилище. На очагѣ тлѣетъ кизякъ, нисколько не напоминающій благоуханіе розъ. Чалмоносный хозяинъ дремлетъ въ углу, съ чубукомъ у бороды. Исхудалый осель повѣсилъ голову надъ пустой корзиной. Невозмутимый буйволъ пережевываетъ воздухъ, съ закрытыми глазами. Пѣтухъ, какъ Петрарка въ темницѣ, чувствуетъ непреодолимую потребность пѣть и издаетъ больной, печальный пискъ. Неприхотливый, но привыкшій къ свѣту и

вольному вѣтру, казацкій конь тоскуетъ, задыхается, мокнетъ, какъ мышь, линяетъ; а не досмотри—такъ и запаршивѣтъ.

Темно и душно въ землянкѣ. Всѣ рассказы пересказаны, всѣ прорѣхи заплатаны. Винтовка и шашка вычищены конскимъ волосомъ съ мыломъ, бѣлѣ стали, серебра. Что еще дѣлать?... Выйдемъ на бѣлый свѣтъ, выглянемъ на Арпачай. Снѣжный саванъ лежитъ на горахъ и долинахъ; мертвая тишина кругомъ. Небо сине и солнце ярко, какъ лѣтомъ небо юга надъ природой сѣвера. Сильно освѣщенная бѣлизна снѣга ослѣпляетъ глаза. Нигдѣ ни одного оттѣнка—ни деревца, ни кустарника. Страна совершенно безлѣсна. Виноградная лоза осталась тысячь на пять футовъ ниже.

Что же дѣлать?...

Но вотъ само Провидѣніе, нигдѣ не покидающее солдата, посылаетъ дѣло на зимнее бездѣйствіе въ землянкѣ. Пришло предположеніе отъ провіантскаго вѣдомства: не желаютъ ли казаки получать продовольствіе пшеницею и перемалывать ее ручными мельницами, какія употребляются жителями. По сотнямъ разосланы запросы и за ними поднялись толки: «Оно бы, братцы, ничего, — прочитай: хлѣбъ нашъ насущный, да и принимайся за жерновъ; работишка никакая и плата — шутка ли? — полтора обазы отъ четверти; да каково-то будетъ придти на Кубань, на Терекъ—кому Богъ приведетъ? Вѣдь дѣвки да молодки проходу не дадутъ, глаза тебѣ высмѣютъ: эхъ вы, скажутъ, пошли воевать, да попали въ мукомолы! Ну, много ль замолоди, похвалитесь, и что жъ вы, родимцы, на жернова-то пѣсенку, чай, привезли? Запойте-ка, сердечные, послушаемъ... Вотъ оно что, братцы. Отъ скуки-то, знаешь, ничево, да вонъ тово... Откажемся лучше, не будемъ хлопать глазами опослѣва на станицѣ; откажемся, ну се совсѣмъ...» Отказались и начали ловить сомовъ въ устья Карсчая, насупротивъ Казарабада...

Но былъ и у подошвы Алагеза уголокъ, гдѣ жизнь была-таки похожа на жизнь. Вы уже догадываетесь, что рѣчь пойдетъ о Гумри, главной квартирѣ войскъ, дѣйствовавшихъ на кавказско-турецкой границѣ. Гумри—городъ, какъ и всякій другой, а можетъ быть даже городъ, призванный воскресить славу Шираквала, Ани и другихъ древнихъ городовъ Арменіи, съ тысячей церквей въ каждомъ. Въ Гумри нѣтъ еще тысячи церквей, но есть дома на поверхности земли и съ окнами. Гумри имѣетъ отъ

роду лѣтъ тридцать, но на видъ кажется гораздо старѣе. У него былъ баба, по нашему—отецъ, хилый старикъ, котораго Паскевичъ прогналъ за Арпачай. Гумри ведетъ себя очень степенно—не смѣется, не поетъ, не буинить на улицѣ; но онъ имѣетъ свои слабости, которыя тщательно скрываетъ. Онъ, вообще, скрытнаго и сосредоточеннаго характера. Отличительное его качество—сребролюбіе. У него водятся порядочныя деньги, но онъ любитъ придержать ихъ про черный или другой какой нибудь день. Тяжелаго труда онъ терпѣть не можетъ. Что онъ дѣлалъ до войны, неизвѣстно—спалъ, должно быть; но война его разбудила и потянула по пути промышленнаго развитія, при звукѣ барабановъ и оружія, при побѣдныхъ кликахъ. Промышленность, сколько извѣстно, питаетъ искусства, потому что въ нихъ нуждается и, несмотря на ихъ гордость, заставляетъ ихъ служить себѣ, безъ чего они, кажется, умерли бы съ голоду. Гумри, упоенный славою нашихъ побѣдъ и блескомъ нашихъ червонцевъ, заставилъ служить своей промышленности благороднѣйшее изъ искусствъ—живопись. Когда мы кончили курюкъ-даринскую кампанію и возвратились подъ теплый кровъ зимнихъ квартиръ, то нашли уже всѣ майданы и главныя улицы нашей корпусной столицы украшенными произведеніями живописи. Вотъ нѣсколько образчиковъ:

Картина первая представляетъ самоваръ, величиною съ Алагезъ; подъ краномъ его стоятъ три человѣка, съ выразительными и мужественными лицами. Подъ ихъ ногами надпись: «Закавказскихъ храбрыхъ воиновъ подвигающихъ на турецкой границе всеобщее прирѣніе».

Картина вторая изображаетъ небольшой самоварчикъ, на трехъ ножкахъ (кому онъ неизвѣстенъ?), и рядомъ съ нимъ огромную бутылку, извергающую пиво дугообразной линіей. Человѣчекъ здѣсь только одинъ; онъ стоитъ съ приподнятыми вверхъ руками. Легенда: «Трактиръ паришъ (Парижъ) еко пиво».

На третьей картинѣ представлена бутылка, въ которую воткнуть конскій хвостъ. Художникъ, можетъ быть, и здѣсь имѣлъ въ виду изобразить изверженіе пива, но вышель хвостъ драгунскаго коня. Внизу текстъ: «Вновь открытый трактиръ армянской иго желантъ».

Всѣ остальные произведенія гумринской школы были запечатлѣны тѣми же эмблемами угощенія. Это едва ли отъ подра-

жанія фламандской школь, а скорѣе оттого, что гостепріимство составляетъ главнѣйшую добродѣтель странъ восточныхъ. А впрочемъ было нѣсколько картинъ, воспроизводившихъ собственно промышленную дѣятельность, какъ, напримѣръ: изображенъ столъ, плавающий въ воздухѣ; четыре мальчика, съ уморительными физиономіями, сидятъ за этимъ столомъ и дѣлаютъ, должно быть, папирсы; надъ головами мальчиковъ парить въ воздухѣ хозяинъ, въ высокой персидской шапкѣ, съ поджатыми, какъ слѣдуетъ, ногами и съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ. Письменное поясненіе: «Здесъ живедъ табашны сыгарны и пабирсны фабрикъ». Существо, покоющееся на воздухѣ, съ поджатыми ногами и дымящимся чубукомъ, конечно, и есть фабрикъ; по крайней мѣрѣ, оно вѣрно выражаетъ мѣстную промышленную дѣятельность.

Но вотъ была бы драгоценная находка для лексикографовъ, желающихъ изгнать изъ русской азбуки трутней, извѣстныхъ подъ именемъ *ерз* и *ерь*: на одной картинѣ, нѣсколько сходной съ предъидущей по рисунку, начертана надпись, въ которой рѣшительно отвергнуты безгласныя буквы. Вотъ вѣрнѣйшій снимокъ съ нея: «Сигар бабирос и разних набиткі братив енденджіянцу...»

Такимъ образомъ, одно путешествіе по улицамъ Гумри, безъ опредѣленной цѣли, но съ открытыми глазами, могло уже служить развлеченіемъ въ убійственномъ бездѣйствіи зимнихъ квартиръ. Но корпусная столица изобиловала, сверхъ того, разными удовольствіями, частными и общественными. Грѣшно было бы назвать ее Капусей; но едва ли похвально умолчать, что въ ней бывали благородныя собранія, съ преферансомъ и полькой. Въ строгомъ смыслѣ, собранія эти создавались среди гранитныхъ твердынь александропольской крѣпости; но это все равно: городъ и крѣпость связаны узами самаго близкаго сосѣдства. Въ составѣ благородныхъ собраній не было ни малѣйшаго равновѣсія между воинственнымъ и мирнымъ поломъ. Это значитъ, что дамъ было очень, очень мало. За то жъ онѣ и знали себѣ цѣну, и какъ заставляли просить, убѣждать, умолять себя, чтобъ сѣсть въ тарантасъ и пріѣхать въ собраніе! Нерѣдко заслуженный тарантасъ, простоявши нѣсколько часовъ у порога ихъ гостиной, возвращался ни съ чѣмъ. Юные воины, съ четвертой степенью Анны за храбрость, приходили отъ того въ уныніе; но маіоры и

другіе частныя начальники переносили эту невзгоду равнодушно и отправлялись на восточные, то есть отрицающіе присутствіе женщины, вечера предводителя Карапаховъ, князя Яссе А... (*). Мирное время, стирающее всѣ краски минувшихъ дней войны, затягивающее самыя глубокіе рубцы и впечатлѣнія, никогда не сгладитъ впечатлѣній этихъ поэтическихъ вечеровъ.

Вообразите себѣ обширную и пустынную, какъ степь, залу, съ пылающимъ костромъ въ каминѣ. Европа и Азія сошлись здѣсь лицомъ къ лицу и нараспашку, то есть—не въ самой вещи онѣ сошлись, а только въ обстановкѣ жилища и въ составѣ общества. Европа въ гостяхъ у Азіи. На стѣнахъ—ни картины, ни зеркала. Отъ одного угла до другаго тянется непрерывная тахта (нары), убранная цвѣтными коврами и длинными, туго набитыми подушками—ястыками. Вдоль другой стѣны разставлено нѣсколько стульевъ и столовъ, съ мѣлками, въ видѣ указательнаго перста. Вотъ это и есть Европа въ обстановкѣ жилища. Въ обществѣ же она проявляется эполетомъ, эксельбантомъ, шпорой, краснымъ воротникомъ провіантскаго вѣдомства, газыремъ казачьей черкесски, и это принадлежитъ здѣсь къ Европѣ. Но весь этотъ скромный европеизмъ едва замѣтенъ между размахистыми длиннорукавыми чохами и широкими шальварами Азіи. Какое разнообразіе одеждъ и лицъ! Здѣсь и Грузинъ, не знающій старости, и Армянинъ, не знающій молодости, и Карапахъ съ воровскимъ взглядомъ, и Лезгинъ съ орлинымъ носомъ, и борчалинскій Татаринъ съ подстриженной донельзя бородкой, и Курдъ въ высокой, какъ башня, чалмѣ, и мулла въ одеждѣ библейскихъ патріарховъ, и турецкій коль-агаси въ однобортномъ, неловко сшитомъ мундирѣ, и самъ хозяинъ, наконецъ, въ нарядѣ гетмана обоихъ береговъ Днѣпра... и все это въ самыхъ непринужденныхъ и живописныхъ положеніяхъ. Въ одномъ углу—степенный преферансъ, въ другомъ—живой «ассанасъ», грузинская игра, ведущая къ цѣли гораздо скорѣе, чѣмъ преферансъ. Здѣсь—глубокомысліе надъ шахматной доской, тамъ—веселый говоръ и смѣхъ и рукоплесканія, а тамъ—безмолвное созерцаніе и густо дымящіяся чубуки.

У порога—турецкая музыка, съ слѣпымъ пѣвцомъ. Музыка

(*) Послѣ побѣды при Курюкь-дара (1854), воинственные Карапахи, турецкіе подданные, добровольно пристали къ намъ и составили изъ себя нѣсколько сотенъ милиціи.

состоять изъ чонгура, скрипки, цымбалъ и барабана. Блѣдное лицо пѣвца неподвижно, холодно, но черты его такъ глубоки и отчетливы, какъ будто по нимъ прошелъ рѣзецъ ваятеля. Въ высокомъ тенорѣ, идущемъ прямо изъ груди, дышетъ страсть. Вотъ видно, какъ горячій звукъ собирается въ открытомъ, расширяющемся горлѣ, какъ онъ вздуваетъ ноздри и поднимаетъ чело пѣвца къ небу, туда, откуда сходитъ вдохновеніе. Тусклые, оловянные глаза съ напряженіемъ повернулись туда же, не за свѣтомъ—его ужь нѣтъ для нихъ—а навстрѣчу вдохновенію. Вы испытываете странное ощущеніе въ присутствіи этой смерти въ глазахъ и этой жизни въ голосѣ слѣпца. Онъ поетъ заунывную думу о славномъ пеглеванѣ-разбойникѣ Кёръ-оглы—сынѣ слѣпца. Много дорогъ изъѣздилъ могучій наѣздникъ, много дани собралъ съ гремучихъ каравановъ, многимъ бѣднякамъ насыпалъ золота въ суму, изъ многихъ розъ выпилъ ароматъ ненасытнымъ поцѣлуемъ... и вотъ онъ теперь въ цѣпяхъ, въ тѣсной темницѣ. Ему душно, какъ въ могилѣ, его внутренности грызетъ шакаль голода, его языкъ жжетъ огонь жажды. Онъ вспоминаетъ прохладу и шумъ листьевъ зеленого дуба, и звонкое паденіе горнаго ключа, и упоительное вѣяніе въ лицо, когда мчала его по ущелью благородная кобылица Неджестана. Воспоминаніе исторгаетъ вопль изъ груди узника, и слѣпецъ передаетъ вамъ этотъ вопль вѣрно, достойно. Ни зрячій человекъ, ни печатный стихъ не передадутъ вамъ этого.

Если искусство звуковъ дано человѣку для утѣшенія въ горѣ, для возбужденія духа въ опасности, для живыхъ ощущеній во всякомъ другомъ положеніи, то турецкая музыка и пѣсни удовлетворяютъ своему назначенію. Отбросьте только вашъ условный вкусъ и ловите душу звуковъ. Разница между турецкой пѣсней и нашей та, что наша ровнѣе, холоднѣе, какъ и наша природа, что у насъ нѣтъ этихъ взбалмошныхъ и совѣмъ неожиданныхъ переходовъ отъ тихой жалобы сердца къ отчаянному воплю всей души, а сходство въ томъ, что за пѣсней заунывной тотчасъ слѣдуетъ веселая, разгульная — гуляй душа!

Когда слѣпецъ кончилъ о страданіяхъ Кёръ-оглы, музыка заиграда что-то скачущее и шумящее, похожее на то, какъ цѣлая куча всадниковъ шарахнется сразу, съ копыта. Началась пляска. Грузины, Карапахи и Лезгины попеременно выступали на коверъ, раскинутый по срединѣ залы, и старались заткнуть

другъ друга за поясъ въ мимическомъ искусствѣ. Въ лезгинской пляскѣ меньше ломки, чѣмъ въ грузинской, но все же нѣтъ въ ней строгаго стиля черкесскаго ушюкурая—танца, вполне выражающаго народный характеръ и духъ...

Между тѣмъ, надъ перегорѣвшимъ костромъ камина помѣстился вертелъ съ чудовищнымъ кебабомъ, въ напластованіе котораго пошло нѣсколько барановъ. Это гомеровское блюдо, извѣстное во всей Анатолиі подъ именемъ «карсъ-кебаба», можетъ питать полсотни гостей отъ вечерняго азама (призыва на молитву) до утренняго. Два кебабчи, извѣстные своимъ искусствомъ въ цѣломъ краѣ, ворочаютъ вертелъ съ двухъ концовъ, какъ точило, и съ такимъ важнымъ видомъ, какъ бы въ рукахъ ихъ была судьба всей Анатолиі. Какъ скоро поверхность кебаба потемнѣетъ, она срѣзывается тонкими пластинками, которыя насаживаются на сосновыя лучинки, немного длиннѣе тѣхъ, какими кушаются галушки въ лѣтній вечеръ на берегу Нижней Кубани. Послѣ того, кебабчи продолжаютъ работать вертеломъ, а лучинки поспѣшно разносятся гостямъ: кушайте, пока не остыли. Вкусъ удивительный! Самый носъ принимаетъ участіе въ наслажденіи, потому что горячій и сочный кебабъ благовожно испаряется въ его пользу. Но что особенно возвышаетъ достоинство незабвеннаго этого блюда, такъ это увѣренность, что вслѣдъ за нимъ покажется серебряная азарпеша (ковшъ) съ густымъ, какъ спѣлая вишня, кахетинскимъ. Дѣйствительно, не успѣли вы объ этомъ подумать, какъ ужъ и явился бичо (слуга) съ большимъ кожанымъ мѣхомъ. Ставъ на одно колѣно и переваливъ мѣхъ чрезъ другое, онъ искусно отворилъ лапку, и кровь благородной земли кахетинской брызнула въ звонкую азарпешу. Сколько высокихъ мыслей внушаетъ эта минута! Но пускай онѣ идутъ мимо; послѣдуемъ за развитіемъ нашего пира. Лапка струится, азарпеша ходитъ по рукамъ, и восклицанія: «алла-верды!» «якши-олъ!» повторяются безъ умолку. Пьющій обращается къ одному изъ не мочившихъ еще усовъ и произноситъ: «алла-верды!» Тотъ, къ кому обращено это привѣтствіе, отвѣчаетъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ: «якши-олъ!» и тотчасъ дѣлается законнымъ наследникомъ азарпешы...

— Докторъ-джигитъ, къ вамъ алла-верды! произнесъ кто-то съ европейской стороны залы.

Докторъ-джигитъ, въ казацкой черкесскѣ, съ кинжаломъ на

поясъ, сидѣлъ на отдаленномъ концѣ шахты, въ нашемъ кружку, не принимавшемъ участія ни въ преферансѣ, ни въ ассанасѣ. Подложивъ ястыки подъ обѣ мышки, онъ доказывалъ, что Араратъ и Алагёзъ—потухшіе волканы, когда-то, въ молодости, дышавшіе огнемъ, что они могутъ—чего добраго—возобновить свои юношескія изверженія и что, вообще, съ Гумри можетъ случиться то же, что случилось съ Помпеей.

— Механика и химія, прибавилъ онъ съ одушевленіемъ: — вотъ, господа, на чемъ держится міровая жизнь и вотъ чему слѣдовало бы только учиться.

— А медицина?

— *Medicina ars divina*, то есть...

На этомъ то есть застало нашего собесѣдника привѣтствіе, такъ утѣшительно направившее азарпешу въ нашъ уголь.

— Говорите скорѣе якши-оль, сказалъ войсковой старшина, сидѣвшій съ боку доктора.

— Якши-оль! провозгласилъ докторъ, послѣ латинскаго изреченія, и, обратясь къ маіору гренадерской бригады, сидѣвшему по другую его сторону, объявилъ ему, что сдѣлаетъ его преемникомъ азарпеша.

— Пристрастіе, соединенное съ неблагодарностію, замѣтилъ войсковой старшина.

— Нѣтъ, не пристрастіе, а самое справедливое воздаяніе, возразилъ докторъ:—господинъ маіоръ меня слушалъ, а вы, кажется, спали.

— Это вамъ такъ показалось за бакенбардами.

Личность войсковаго старшины, дѣйствительно, утопала въ бакенбардахъ тогдашней эпохи; но не подлежитъ сомнѣнію, что, за диссертациею о волканахъ, онъ дремалъ, между тѣмъ, какъ маіоръ сдѣлалъ нѣсколько возраженій.

— Чохъ разіамъ (очень доволенъ), отвѣчалъ маіоръ на любезность доктора. (Онъ любилъ, между прочимъ, татарскіе комплименты.) — Но не можете ли вы разъяснить мнѣ одну непонятную вещь? Вотъ ужъ двадцать лѣтъ почти, какъ я дышу воздухомъ Грузіи и пью кахетинское, а ни одинъ чортъ не могъ мнѣ сказать, съ какой стати народъ, пьющій вино, то есть Грузины, выдумалъ здороваться за азарпешей на языкѣ народа, не пьющаго вино—по крайней мѣрѣ, не пьющаго явно—зачѣмъ,

однимъ словомъ, Грузины взяли у Татаръ лучшіе свои комплименты?

— Да, это задача...

— И какая еще задача! я спрашивалъ объ этомъ у самого Гульбата. Онъ только засмѣялся и говорить мнѣ: «Что, братъ, о пустякахъ толковать? Когда добрый человѣкъ скажетъ тебѣ: алла-верды, говори скорѣе: якши-олъ, и разстегни воротникъ—вѣдь вы, Русскіе, совсѣмъ не умѣете пить.»

— Обвиненіе неосновательное, замѣтилъ войсковой старшина.

— Во первыхъ, поспѣшилъ сказать докторъ, чтобъ загородить входъ дальнѣйшимъ замѣчаніямъ: — во первыхъ, Гульбать отвѣчалъ не на предметъ, или, лучше, онъ, вмѣсто отвѣта, произнесъ обвиненіе, какъ они говорятъ, неосновательное. Я знаю Гульбата: это, дѣйствительно, замѣчательный человѣкъ, но, въ этомъ случаѣ, какъ видно, не нашелся. Во вторыхъ, эти лучшіе, какъ вы говорите, комплименты Грузины взяли не у Татаръ.

— Какъ не у Татаръ? возразилъ майоръ съ жаромъ: — я, кажется, не со вчерашняго дня знакомъ съ татарскимъ языкомъ и могу васъ увѣрить, что алла-верды и якши-олъ чисто татарскіе комплименты. Первый значитъ: Богъ далъ, а послѣдній: да будетъ хорошо, или, чище по русски — на здоровье.

— Я противъ этого не спору, но могу доказать вамъ, что потомки Картлоса взяли эти татарскіе комплименты не у Татаръ.

— Вотъ прекрасно! Такъ не у Нѣицевъ ли?

— Но выслушайте же мои доводы...

— Гульбата надо бы сюда, замѣтилъ войсковой старшина.

Докторъ перемѣнилъ позицію, такъ, чтобы обоихъ противниковъ имѣть у себя съ фронта, и продолжалъ:

— Грузины ничего не могли взять у Татаръ, потому что Татары бѣднѣ ихъ умственной жизнью; а у Персіянъ, которые богаче ихъ въ этомъ отношеніи, они взяли одежду, вооруженіе, архитектуру, кухню, литературу, этикетъ,—все. Знаете ли вы, что Персіяне—это Французы востока, и недаромъ весь востокъ зоветъ ихъ кизилбашами, то есть золотоголовыми.

— Такъ вы хотите сказать, что и алла-верды взято Грузинами у Персіянъ?

— Непремѣнно.

— Почему же оно на татарскомъ, а не на персидскомъ языкѣ?

— Вотъ почему. Со временъ Тимуръ-ленга, неправильно называемаго у насъ Тамерланомъ, на всѣхъ древнихъ престолахъ востока, отъ Гангеса до Аракса, успѣлись татарскія династїи. Слѣдствіемъ этого было, что татарскій языкъ сдѣлался придворнымъ и, вообще, моднымъ языкомъ высшихъ сословій. Онъ господствовалъ въ Испагани, Тегеранѣ, Тавризѣ; а этого было уже достаточно, чтобъ онъ господствовалъ въ Мухетѣ, Тифлисѣ, Гори. Цари и князья Грузїи брали у кизилбашей не только модныя чохи, модный языкъ, но и самыя даже собственныя имена, нужды нѣтъ, что это имена мухаммеданскія. Вотъ хоть бы этотъ почтенный Гульбатъ, который совѣтуетъ разстегивать воротникъ: онъ, какъ намъ извѣстно, родовой, православный Грузинъ, а имя у него кизилбашское. Въ свою очередь, и я вамъ сдѣлаю переводъ: гульбатъ значитъ — цвѣтникъ розъ. Это прекрасное имя, безспорно, очень къ лицу тому, на чьихъ щекахъ цвѣли многія тысячи азарпешъ, но все же оно кизилбашское имя. И если человекъ, гениально пьющій, взялъ свое имя у народа, считающагося не пьющимъ, то что же удивительнаго, что и алла-верды взято у того же народа? А что оно сложилось не на кизилбашскомъ языкѣ, такъ это объясняется очень просто: комплименты слагаются, обыкновенно, на языкѣ модномъ.

— Признаюсь, не вижу причины, почему бы сами Грузины не создали своего алла-верды на модномъ татарскомъ языкѣ, безъ малѣйшей помощи кизилбашей: на это, кажется, у нихъ амихъ могло достать воображенія.

— Создавать, то есть творить, изобрѣтать, можетъ только народъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, потому что одинъ только народъ живетъ на настоящей производительной почвѣ, тянетъ соки изъ жизненнаго корня; но что отдѣляется отъ народа и живетъ прививной, искусственной жизнью, то можетъ только подражать, заимствовать — создавать ему не дано. Такъ видите ли, если бы самъ народъ создалъ алла-верды, оно было бы на грузинскомъ, но никакъ не на модномъ татарскомъ языкѣ, котораго грузинскій народъ никогда не зналъ и которымъ говорило одно только высшее грузинское общество, окрашенное персидской хенной (*).

(*) Краска, которою красятъ бороду, ногти и ладони рукъ.

— Не совсѣмъ ясно. Но согласитесь, что какъ-то неловко приписывать изобрѣтеніе вакхическихъ привѣтствій народу, который вѣрить, что соки виноградной лозы осквернены шайтаномъ, что этотъ недоброжелатель челоуѣчества закололъ на ея корняхъ козла, шакала и свинью, самыхъ нечистыхъ животныхъ.

— Плохо вѣрять этому кизилбаши, потому что ихъ поэты воспѣли вино не хуже другихъ. Скажу больше: кизилбаши не были бы кизилбаши, то есть золотоголовыми, если бы не любили вина. Народъ, не пьющій животворной влаги, не будетъ народомъ живымъ и остроумнымъ. Примѣръ вамъ Турки: вялы, сонны, прѣсны, какъ вода, которую они пьютъ. Нѣтъ, господа, люди съ такимъ вкусомъ, какъ кизилбаши, не могутъ ненавидѣть вино, и если они лѣзли въ Грузію, въ прежнее время, то, конечно, затѣмъ, чтобъ поинтъ кахетинскаго. Вотъ тутъ-то они и создали это знаменитое алла-верды, то есть «Богъ далъ», потому что дома у нихъ кахетинскаго не было. Алла-верды очень похоже на архимедовское: нашель! Другой же кликъ: якши-оль, то есть «да будетъ добро!» выражалъ прѣтестъ противъ мухаммеданскихъ муллъ, которые такъ нападаютъ на вино и вводятъ такіа небывлицы на виноградную лозу. Надобно знать, что кизилбаши либеральнѣе всѣхъ другихъ правотѣрныхъ, потому что они одного происхожденія съ европейскими народами. Они стали первымъ этапомъ на пути переселенія европейскихъ народовъ изъ Индіи... Ну, что жь, довольны ли вы моимъ рѣшеніемъ?

Уже маіоръ и войсковой старшина готовы были изъяснить удовольствіе, какъ подошелъ Эстате***, добрый товарищъ въ мирной вечеринкѣ. Ему передали рѣшеніе доктора-джигита и потребовали его мнѣнія.

— Дѣло, господа, важное, сказалъ онъ, поднимаясь на тахту: — я слышалъ, что здѣсь говорилось, и затѣмъ, признаться, бросилъ моего почтеннаго собесѣдника Тоштамур-Агу, чтобъ не допустить васъ принять неправое рѣшеніе. Вопросы подобной важности не рѣшаются такъ легко, а ученія изслѣдованія здѣсь нисколько не помогутъ. Начну съ того, что докторъ впалъ въ непростительную ошибку и увлекаетъ въ нее другихъ. Вы видѣли, что ужъ онъ заѣхалъ было въ Индію. Не могу не выразить моего сожалѣнія объ этомъ, а особенно жалѣю о томъ,

что господинъ маіоръ не обратился ко мнѣ съ вопросомъ, на который Гульбатъ полѣнился отвѣчать. Я говорю: полѣнился, потому, что онъ могъ бы отвѣчать лучше, чѣмъ ктонибудь другой. Преданіе объ алла-верды живетъ въ каждомъ кахетинскомъ семействѣ, у котораго, по милости Божіей, есть добрый каминъ и полная азарпеша для длиннаго зимняго вечера. Я, вообще, господа, уважаю старыя семейныя преданія наравнѣ съ старымъ кахетинскимъ: по моему убѣжденію, добродушный рассказъ у предковскаго каминна передаетъ дѣла давно минувшихъ дней вѣрнѣе, чѣмъ какая бы то ни было типографія. Изъ того, что вы сказали, докторъ, насчетъ персидскаго вліянія на нашу прошлую жизнь, я во многомъ съ вами согласенъ. Это вліяніе наслоилось на византійскомъ вліяніи и почти затерло его. Но какой бы мы ни покрывались корой снаружи, въ насъ жила всегда, и при Палеологахъ и при Надирахъ, самая здоровая національная сердцевина. Смѣнявшаяся кора ничего въ ней не измѣнила. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ грузинское населеніе Турціи и Персіи: Богъ знаетъ, когда уже оно занесено туда и обасурманено, но оно вполнѣ сохраняетъ свой языкъ, свои отличительныя свойства и, вообще, свою духовную природу, или, какъ я выразился, національную сердцевину. Да, наша народность не меньше живуща, какъ и ваша. Но нѣтъ, кажется, надобности распространяться объ этомъ; скажу вамъ только, что алла-верды не занесено къ намъ испаганскими модами, не заимствовано, безъ вѣдома народа, высшимъ обществомъ, которое не у насъ однихъ искало отѣниться отъ народа чужеземными красками: нѣтъ, оно родилось у насъ самихъ, на нашей родной почвѣ. Предвижу ваше возраженіе насчетъ его татарскаго склада; но будьте покойны: здѣсь оно имѣетъ значеніе собственнаго имени, равнозначащаго, на примѣръ, имени Богданъ. Съ нимъ связана старинная легенда, которую слышалъ я не разъ у дѣдовскаго очага. Хотите ли и вы ее слышать?

— Сдѣлайте одолженіе, расскажите. Сядьте вотъ сюда...

Добрый другъ Эстате занялъ выгодную позицію, перегнулъ вдвое ястыкъ (подушку) и, усѣвшись на немъ, какъ на кафедрѣ, началъ:

— Представьте же себѣ, господа, темную осеннюю ночь на лѣсистыхъ берегахъ Іоры. Вѣтеръ воетъ подъ окномъ уютнаго двухъ-этажнаго домика, извѣстной вамъ архитектуры, въ видѣ

четырёхъ-угольной башни, съ хорошенькой галлереей вокругъ верхняго этажа. Буйный вѣтеръ, спустившійся съ лезгинскихъ горъ, дерзко дергаетъ ставню и силится вломиться въ тихое дворянское жилище. Но старый ясень стоитъ вѣрнымъ стражемъ у окна и защищаетъ его своей широкой грудью. Добрый старый ясень, видѣвшій дѣтство нашей бабушки, гудеть и стонетъ и изрѣдка постучитъ въ ставню, словно зоветъ насъ на помощь. А намъ такъ хорошо у камина, гдѣ пылаютъ сухіе обрѣзки виноградныхъ лозъ.... Бабушка беретъ съ полки большую старую книгу и начинаетъ читать житіе Іосифа Прекраснаго. Грустно намъ становится, когда старшіе братья бросили маленькаго Іоссе въ яму и старецъ Іаковъ плачетъ надъ его дѣтской окровавленной одеждой. Голосъ бабушки дрожитъ, произнося жалобу патріарха: вѣкъ мой коротокъ, и тотъ исполненъ золь!... Но когда уже исмаильскіе купцы увезли маленькаго Іоссе въ пустыню и караванъ ихъ сталъ на ночлегъ у могилъ, и Іоссе нашель могилу матери своей Рахили и, припавъ къ могильному холму, сталъ рыдать надъ прахомъ, согрѣвавшимъ его младенчество у любящаго лона, и одни холодные камни кладбища да сѣрая ночь пустыни внимали его рыданіямъ.... тогда уже и мы начинали плакать. Бабушка закрывала книгу и уходила по-смотреть, скоро ли будетъ готовъ пилавъ. Тогда дѣдъ бралъ насъ къ себѣ на колѣни и начиналъ говорить такія смѣшныя вещи, что чрезъ минуту мы были уже веселы и совершенно забывали маленькаго Іоссе. Тутъ онъ перемѣнялъ видъ и голосъ и принимался рассказывать (читать онъ не умѣлъ) о давнихъ временахъ, о грозныхъ битвахъ съ невѣрными, объ усобицахъ князей, о скорбныхъ дняхъ Иверіи и знаменіяхъ Божьяго покровительства надъ ней. Особенно любилъ онъ рассказывать объ алла-верды....

Эстате остановился и бросилъ на слушателей испытующій взглядъ.

— Слушаемъ, слушаемъ: продолжайте, сказала нѣсколько голосовъ вмѣстѣ.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ: вѣдь съ этимъ рассказомъ, какъ вы сами видите, связаны мои лучшія воспоминанія.

На лицѣ доктора блуждала скептическая улыбка. Въ усахъ маіора шевелилась улыбка удовольствія. Весь организмъ войсковаго старшины, съ бакенбардами включительно, пришелъ въ го-

ризонгальное положеніе, чему благопріятствовало счастливое его мѣстоположеніе у самой стѣны. Эстате продолжалъ:

— Я перенесу васъ теперь въ тотъ отдаленный вѣкъ, когда Кахетія имѣла своихъ царей. Телавъ, который насчитываетъ уже тысячу лѣтъ своего существованія, этотъ бѣдный Телавъ, снискивающій теперь питаніе выжиганіемъ горшковъ для вина, былъ, въ то время, богатымъ столичнымъ городоимъ. Въ числѣ многихъ замѣчательныхъ зданій этой столицы, возвышался великолѣпный дворецъ, у краснаго крыльца котораго толпились князья, тавады, амкары и народъ, все въ цвѣтныхъ новыхъ чахахъ, залитыхъ широкими галунами. То былъ праздничный день, и, къ тому же еще, ожидали возвращенія царя съ охоты, изъ-за Алазани. Въ высокоомъ теремѣ, у рѣшетчатого окна, выведеннаго, знаете, этакъ, въ индѣйскомъ вкусѣ, который въ западной Европѣ называется мавританскимъ, сидѣла молодая царица, съ сѣнными дѣвушками. Эти придворныя особы, красоту которыхъ вы можете живо себѣ представить, вышивали по карманамъ царскіе шальвары, а царица смотрѣла въ окно, пригорюнившись. Предъ ея большими черными глазами разстилалась роскопная долина Алазани. Солнце приближалось къ западу и бросало на снѣжныя вершины горъ багровый свѣтъ, подобіе котораго легко найти внутри вышитой азарпешы. Въ виноградныхъ садахъ раздавались веселья пѣсни. Вдали, за лѣсомъ, виднѣлся высокій куполь монастыря святаго Георгія, покровителя Иверіи. Черезъ лѣсъ тянулась черной полосой дорога къ монастырю и дальше, въ отъѣзжія царскія поля. По этой дорогѣ царь, обыкновенно, возвращался съ охоты, и сюда-то смотрѣла царица изъ высокаго терема. Но, вмѣсто царскаго поѣзда, на дорогѣ показался нищій Иликъ, котораго всѣ въ Телавѣ хорошо знали. Это былъ самый веселый человекъ въ Кахетіи, а можетъ быть и въ цѣлой Грузіи: онъ вѣчно шутилъ, острилъ и смѣялся. Въ уморительныхъ побасенкахъ онъ высказывалъ горькую истину царскимъ вельможамъ, а подь-часъ и самому царю. И, однакожь, его сѣдая голова держалась крѣпко на плечахъ, потому что всѣ считали себя умнѣе этого нищаго, котораго одни звали юродивымъ, а другіе, просто, дурачкомъ. Одни только бѣдняки, въ лачуги которыхъ онъ вносилъ по ночамъ совѣтъ и помощь, звали его иначе; да бѣдняковъ кто же слушаетъ?... Противъ своего обыкновенія, Иликъ шелъ степенно и даже призадумавшись. Царица махнула ему

рукавомъ, чтобъ спросить у него, далеко ли еще царскій поѣздъ. Нищій подошелъ къ терему и, повернувшись спиной къ окну, сталъ кланяться къ лѣсу, совѣмъ въ противную отъ царицы сторону. Однакожь, царица не разгнѣвалась и спросила:

— Кому это ты кланяешься, Илико?

— А той высокой шапкѣ, что за лѣсомъ.

— Зачѣмъ же это?

— А вотъ видишь ли, бабушка, прощаюсь. Снимите ее съ меня, говоритъ онъ: — высока больно, а люди-то ужь совѣмъ низки.

— Кто жь это говоритъ?

— А тотъ, что тамъ живетъ за лѣсомъ. Смотри-ка, бабушка, смотри-ка...

Юродивый указалъ рукою на монастырскій куполь, упалъ на колѣни и зарыдалъ. Освѣщенный вечернимъ солнцемъ, куполь спокойно и торжественно возносился къ голубому небу, какъ перстъ проповѣдника, указывающаго на высшій міръ.

И когда царица обратила на него глаза, онъ покачнулся, наклонился, еще наклонился и сталъ не видимъ за лѣсомъ. Только глухой гулъ послышался въ ту сторону. Народъ, ожидавшій прибытія царя и смотрѣвшій туда, гдѣ возвышалось это величественное зданіе, видѣлъ его колебаніе, его внезапное исчезновеніе и пришелъ въ смущеніе неописанное. Мертвая тишина смѣнила шумный говоръ. Тогда этотъ нищій Илико, который все шутилъ и смѣялся, грозно возвысилъ голосъ и произнесъ:

— Тавады, нацвалы и народъ! Въ вашихъ глазахъ поникъ къ землѣ величайшій изъ храмовъ православной земли. Его высокое чело отразило бури вѣковъ, а теперь поникло — въ тихій часъ вечера, въ кроткомъ сіяніи умирающаго дня. О, день скорби и страшнаго воспоминанія! съ послѣднимъ твоимъ свѣтомъ угасла звѣзда иверійскихъ храмовъ. Вотъ, поистинѣ, знаменіе грядущихъ на насъ золь, ибо неправды наши превзошли высоту нашихъ храмовъ. Остыла любовь къ матери и нѣтъ дружбы между братьями; всѣ стали какъ чужіе, всякій хочетъ жить для себя и на свой короткій вѣкъ; а какъ же будетъ жить отчизна, которая не умираетъ съ нами? О, вы, ищущіе наслажденій безъ лишеній, покоя безъ подвиговъ, доколѣ будете пить кровь земли въ пирахъ и лить кровь народа въ усобицахъ? доколѣ, съ украшеніями одеждъ и чертоговъ вашихъ, будете приносить къ намъ

нечистоту нравовъ зложелателей нашихъ, Персовъ? И что будетъ съ тобою, народъ темный, ребенокъ не растущій! Довольные и сильные затворились отъ тебя въ высокихъ хоромахъ, раздраженные и гонимые бѣгутъ отъ тебя къ Персамъ. Что принесутъ они оттуда? Цѣпи и страданіе. Не туда, о нѣтъ, не туда лежитъ дорога нашего лучшаго жребія. Поднимите глаза на эти горы, убѣленные вѣчнымъ снѣгомъ: ихъ холодныя вершины пророчатъ намъ, откуда придетъ намъ лучшій жребій. Отъ сѣвера ждите его, туда обращайтесь ваши взоры и надежды....

Крики: «царь ѣдетъ! царь приближается!» заглушили необычную рѣчь юродиваго. Многіе амкары вывели барановъ къ дорогѣ и вынули ножи, чтобъ заколотъ ихъ и украсить ихъ кровью путь царя, по обычаю Персовъ. Чело юродиваго нахмурилось еще суровѣе, и онъ обратилъ къ этимъ людямъ укорительное слово:

— Персы-язычники, началъ онъ:—закалали своимъ властителемъ тѣ же жертвы, что и своимъ идоламъ; Персы-мухаммедане сохранили этотъ обычай и бросаютъ кровь подъ ноги тому, кого справедливо величаютъ кровопрольцею (*). И онъ идетъ по пути, усыпанному цвѣтами. Но не подобаютъ языческія жертвы царю христіанскому; не подобаетъ и тебѣ, народъ православный, перенимать обычаи народа, поднимающаго руку на закланіе твоей независимости. Вотъ, въ эту самую минуту, родился въ Иранѣ жрецъ, который придетъ заклать нашу свободу, и путь его обогрится нашей кровью. Готовьте же лучшія жертвы царю православному... Плачьте: шахъ Аббасъ родился...

Топотъ и ржаніе коней и крикъ многихъ голосовъ приближались. Увы! это уже не былъ прежній поѣздъ царскій, ослѣпляющій блескомъ нарядовъ, оглушающій звономъ оружія и конскихъ ожерельевъ: это было скорѣе бѣгство войска, разбитаго на полѣ сраженія. Всадники, блѣдные отъ страха, скакали въ беспорядкѣ; много коней несло безъ всадниковъ; псы, покинутые псарями, вѣли; соколы, отпущенные сокольниками, кружили въ воздухѣ, стряхая высокій колпачокъ съ головы и длинный ремень съ ногъ. Царя, еле дышащаго, несли на носилкахъ. Случилась бѣда.

Когда царь съ своими придворными, охотниками и тѣлохранителями проѣзжалъ мимо монастыря, и зурна оглашала лѣса и

(*) Одинъ изъ древнихъ титуловъ шаха.

горы, и азарпеша переходила изъ рукъ въ руки, съ веселыми кликами, и никто не хотѣлъ смотрѣть на старцевъ, вышедшихъ изъ обители съ поклономъ, — вдругъ земля встрепенулась, и вѣковыя зданія обители святаго Георгія, покровителя Иверіи, пали. Что произошло тогда въ царскомъ поѣздѣ, трудно изобразить. Большая часть всадниковъ выметѣли изъ сѣдла, многіе повалились вмѣстѣ съ конемъ. Царь былъ въ числѣ послѣднихъ и, при паденіи, тяжело разбился. Что только удержалось въ сѣдлѣ, пустилось бѣжать. Первые кольнули коней царедворцы, а за ними тѣлохранители, и псаря, и сокольники. Немногіе отроки остались при царѣ и, вмѣстѣ съ иноками, взяли его на носилки...

Наступили сумерки. Налетѣла съ горъ страшная буря. Туча повисла надъ Телавомъ. Народъ пустился по домамъ. Юродивый преслѣдовалъ и бичевалъ его обличительнымъ словомъ. Надъ самой высокой башней дворца разразился оглушительный ударъ грома. Въ высокомъ теремѣ царицы слышенъ былъ плачь...

— Алла-верды къ вамъ, Эстате! произнесъ хозяинъ около камина, гдѣ уже въ десятый разъ срѣзывалась поверхность неисчерпаемаго карсъ-кебаба.

Эстате, по выраженію персидской поэмы дербендъ-наме, потянулъ поводья слова и остановилъ коня повѣствованія. — «Якши-оль!» произнесъ онъ и, въ ожиданіи азарпеша, не отдавалъ поводьевъ.

— А! чортъ бы побралъ на этотъ разъ азарпешу! сказалъ съ досады маіоръ:—это все равно, какъ на самомъ лучшемъ мѣстѣ дороги пристяжная заступитъ постромку и ямщикъ слѣзетъ ее поправлять.

— Диковинныя вещи! произнесъ докторъ съ холодной улыбкой; но замѣтно было, что онъ желалъ продолженія разсказа не меньше, какъ и мы всѣ.

— То ли еще будетъ! сказала Эстате, перемасливая свою кафедру изъ ястыка:—я разсказываю кое-какъ, черезъ пятое на десятое, а такъ ли разсказывалъ дѣдушка! У него, бывало, и наплачешься и насмѣешься въ продолженіе одного и того же разсказа. Вотъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, бабушка никакъ, бывало, не выдержитъ и нападетъ на стараго тавада (рыцаря), зачѣмъ онъ разсказываетъ дѣтямъ такія страсти на ночь. А онъ только засмѣется и скажетъ: будутъ чертенята съ гренадерами на чеченскіе завалы лазить, такъ пускай

заранѣе привыкають не трусить; а потомъ обратится къ намъ и спроситъ: «ну, что вы, лупоглазые — боитесь?»

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка, не боимся: мы на завалы будемъ лазить! закричимъ мы въ одинъ голосъ. Бабушка только вздохнетъ и покачаетъ головой; а дѣдъ вскочить съ мѣста и давай насъ обнимать да приговаривать: «Вотъ молодцы! вотъ мои внучки! люблю за удачу! Такъ, мои дѣтки, такъ: ничего на свѣтѣ не бойтесь: вѣдь съ русскимъ солдатомъ служить будете, а тотъ ни Лезгина, ни шайтана не боится...» И долго еще выражаетъ онъ свое удовольствіе, а у самого слезинка дрожить на рѣсницѣ.

— Да когда это дойдетъ до алла-верды? проговорилъ вдругъ войсковой старшина, котораго всѣ считали почившимъ мирнымъ сномъ.

— Дойдетъ и до него и до вашихъ запорожцевъ, если вы не отправитесь во владѣнія Морфея.

— Нѣтъ, я такъ только закрываю глаза, чтобъ лучше перенестись въ столичный городъ Телавъ.

Эстате согналь съ усовъ остатки чавчавадзевскаго и продолжалъ:

— Землетрясеніе, разрушившее монастырь святаго Георгія, основанный въ V вѣкѣ (а монастырская церковь, съ высокимъ куполомъ, была построена царемъ Кирикомъ, въ тотъ вѣкъ, когда Русскіе крестились въ рѣкѣ Почайнѣ), — это страшное землетрясеніе случилось, господа, въ началѣ XVI столѣтія, немного болѣе, чѣмъ за полъ-вѣка до нашествія на Грузію шаха Аббаса. Дѣдъ мой не называлъ по имени царя, при которомъ это случилось, но дѣлалъ одно важное замѣчаніе по части физической географіи. Землетрясенія въ нашей странѣ не рѣдкость, но то, которое вы видѣли, осталось въ народной памяти, какъ явленіе, въ высшей степени мѣстное, ибо въ Телавѣ, отстоящемъ отъ монастыря не далѣе 20 верстъ, сго почти не чувствовали. Какъ бы то ни было, но, послѣ названнаго событія, обитель святаго покровителя Иверіи (*) совершенно опустѣла.

(*) Отъ имени святаго Георгія, и самихъ почитателей его Грузинъ зовутъ на востокѣ Гурджи, а въ западной Европѣ — Géorgiens. Русское названіе: рузинъ, должно быть переначенное въ высшей степени слово Гурджи. Первоначально было, вѣроятно, Гурджинъ или что нибудь близкое къ этому, а потомъ уже стало: Грузинъ. Народъ вообще любитъ переставлять букву *r*, не только у насъ, но и на востокѣ. Такъ, турецкій мужикъ говоритъ: торпахъ, вмѣсто топрахъ — земля, керпи, вмѣсто кепри — мостъ. Самы же Грузины называютъ себя Картули, отъ имени своего родоначальника Картлоса, ноева внука (sic).

Народъ слышалъ по ночамъ, въ ея оградѣ, плачь и стоны и боялся близко къ ней подходить....

— Народъ, вообще, боится кладбищъ и развалинъ, потому что....

— Оставьте, пожалуйста, вашу мораль, докторъ! сказалъ съ неудовольствіемъ маіоръ и подвинулся ближе къ Эстате, какъ бы для прикрытія его повѣствованія.

Эстате улыбнулся слегка и продолжалъ:

— Многочисленная братія обитатели, спасенная отъ смерти тѣмъ, что, въ минуту событія, выходила за ограду на поклонъ царскому поѣзду, разошлась по другимъ монастырямъ, которыхъ, какъ вамъ извѣстно, очень много въ странѣ Иверской. Остался вѣренъ святымъ развалинамъ одинъ только отрокъ Додо, учившійся въ монастырѣ и теперь не захотѣвшій покинуть колыбель своего воспитанія. Каждую ночь на воскресенье, онъ пѣлъ подъ уцѣлѣвшими сводами соборной церкви стихиры, положенные празднику. Его-то пустынное пѣніе народъ принималъ за плачь и стоны мертвыхъ развалинъ. Прошло много, много лѣтъ отъ того роковаго дня, когда кахетинскій царь такъ несчастливо вернулся съ охоты. (Но прошу замѣтить, что выйдетъ опять изъ охоты.) Уже жители Телава, при которыхъ случилось землетрясеніе, почти всѣ перемерли. Грозный урокъ вышелъ изъ общественной памяти: разладъ и междоусобныя драки, которыми такъ обильна наша исторія, усилились въ послѣдовавшемъ поколѣніи царей, тавадовъ и эриставовъ. Такихъ людей, какъ юродивый Илико, уже не выходило изъ народа. Повременамъ являлся на базарахъ Телава неизвѣстный старецъ и начиналъ говорить мірянамъ правдивое слово; но его изгоняли городскіе стражи. Это былъ отшельникъ Додо, одинъ согрѣвавшій дыханіемъ жизни мертвый воздухъ заустѣнія на мѣстѣ святомъ. Такъ пустынный цвѣтокъ расцвѣтаетъ въ забытыхъ развалинахъ и одному небу отдаетъ свое благоуханіе.

Лучшіе люди, въ то время, искали пустынной жизни, потому что общество страдало. Но все бы ничего, еслибъ не было на свѣтѣ шаха Аббаса. Наши лѣтописи гласятъ, что онъ явился на свѣтъ въ тотъ вечеръ и въ ту самую минуту, какъ землетрясеніе разрушило обитель святаго Георгія. Этотъ шахъ, господа, былъ не такой человекъ, чтобъ не воспользоваться плачевнымъ положеніемъ дѣлъ у своихъ сосѣдей. Много зла сдѣ-

лалъ онъ нашей землѣ, а на старость задумалъ даже совѣмъ ее поработить и побасурманить. Въ одну ночь, лежалъ онъ, закрывши глаза, и хотя ни о чемъ не думалъ, но заснуть не могъ. Ни мечты, ни желанія, ни бодрости, ни усталости, — ничего уже для него не было. Жизнь потеряла для него всѣ цвѣта и краски. Въ его душѣ была пустыня, съ пустотой пресыщенія, съ охлажденіемъ старости. Напрасно перебиралъ онъ всѣ струны сердца: ни одна изъ нихъ не издавала звука. Старый владетель Ирана вздыхаетъ и ворочается съ боку на бокъ. За дверью, на голомъ полу, лежитъ и вздыхаетъ очередной чубукчи; слышитъ онъ, какъ ворочается сынъ солнца, и думаетъ: Аллахъ, Аллахъ! его благополучіе не спитъ оттого, что желать ему нечего, а я — что желать мнѣ такъ много! Наконецъ, удалось Аббасу поймать одно желаніе, и онъ вдругъ вскрикнулъ:

— Поднесите мнѣ Гурджистанъ (Грузію) на пилавномъ блюдѣ, и я засну, какъ спалъ прежде!

Услышавъ это, чубукчи вскочилъ на ноги и явился къ шаху.

— Зачѣмъ?

— Я слышалъ приказаніе.

— Ахмакъ (дуракъ)! позови ко мнѣ сардаря...

Явился сардаръ.

— Не спится — что будемъ дѣлать?

— Всевышній да осѣнитъ твое изголовье миромъ.

— Но скажи: что дастъ мнѣ сонъ?

— Ласка красоты...

— Нѣтъ.

— Нѣжные звуки чонгура?

— Нѣтъ.

— Волшебная повѣсть поэта?

— Нѣтъ.

— Доброе дѣло, великодушный подвигъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Эй, чубукчи! что дастъ мнѣ сонъ?

— Пускай гяуры поднесутъ твоему благополучію на пилавномъ блюдѣ всѣ горы, и долины, и рѣки, и сады, и города Гурджистана.

— Такъ. Прими отъ него санъ и должность, а ты — на его мѣсто...

На другой день новый сардаръ началъ стягивать войско, а

звѣздохеты отыскивать благополучный день. Спустия немного, шахъ вломился въ Грузію, ворота которой всегда были настезь. Войска у него было немного меньше, какъ у Ксеркса. Наши тавады были, конечно, храбрые люди, но, при разладѣ и не-улады, что могли сдѣлать?... Шахъ завладѣлъ всей Кахетіей и большей частью Карталиніи. Въ одинъ жаркій день, послѣ обѣда, курилъ онъ кальянъ у дверей своего шатра. Дѣдушка подробно описывалъ всѣ алмазы и бюризы этого кальяна. Онъ, вообще, любилъ распространиться надъ описаніемъ всякой порядочной вещи. Но я не намѣренъ обременять ваше вниманіе излишними подробностями и скажу только, что четыре красивѣйшихъ отрока, съ опахалами въ рукахъ, колебали воздухъ, дерзавшій причинять жаръ особѣ его благополучія. И если бы, по ихъ упущенію, муха сѣла на крашеную бороду шаха Аббаса, имъ были бы отрублены головы. Главный конюшій и множество стременныхъ были казнены поутру за то, что, когда шахъ вышелъ садиться на коня, упало изъ воздуха на подушку сѣла что-то едва замѣтное, но отъ чего Павія Старшій потерялъ зрѣніе.

Уже властитель Ирана начиналъ дремать, какъ главный мирза пришелъ доложить, что царь грузинскій прислалъ гонца съ пешкешемъ (подаркомъ).

— Какой пешкешъ, посмотримъ, сказалъ Аббасъ:— давай сюда гонца.

Явился карталинскій тавадъ, высокій и стройный, какъ тополь на берегу Куры. Онъ повергъ къ туфлямъ шаха корзину съ свѣжими плодами. Шахъ похвалилъ плоды и началъ раздавать ихъ царедворцамъ и отрокамъ, красящимъ его ноги и бороду. «Чохъ гюзель, чохъ гюзель (очень прекрасно)!» повторялъ онъ и, выбравъ самое большое яблоко, съѣлъ его, выплюнулъ сѣмена на ладонь и приказалъ подать копье. Боднулъ онъ гибкимъ копьемъ въ землю, бросилъ сѣмена въ яму, заровнялъ ее высокимъ, золоченнымъ каблукомъ и, обратившись къ Карталинцу, сказалъ: «Кланяйся царю и доложи, что пока изъ этихъ сѣмянъ не выростетъ садъ и я не вкушу плодовъ отъ него, до тѣхъ поръ не выйду изъ вашей земли, гдѣ мнѣ спится лучше, чѣмъ дома. «Весселямъ (вотъ и все), такъ скажи царю.» — «Белли», отвѣчалъ тавадъ, поклонился наискосокъ, на лѣвое ребро, какъ требуетъ аджамскій этикетъ, и, очень довольный тѣмъ, что голова у него осталась на плечахъ, пустился рысью вонъ изъ

лагеря. Много вытерпѣлъ онъ насмѣшекъ отъ краснобородыхъ Аджамовъ, пока оставилъ ихъ шатры, а когда былъ уже въ полѣ, кольнулъ коня стремянами, сбиль папаху на ухо и сказалъ самому себѣ: Подождите, проклятые Кизилбаши, посмѣмся и мы надъ вашими подлыми бородами... Что тутъ долго думать! такъ тому и быть—пожертвую мою милую, ненаглядную Хорошану: отчизна дороже жены...»

Его звали Шю и домъ его стоялъ на самой границѣ между Кахетіей и Карталиніей, между виноградной лозой и старымъ рыцарскимъ щитомъ. Самъ онъ былъ Карталинецъ, а жена его—Кахетинка. Еще не кончился тогда медовый мѣсяцъ ихъ свадьбы—обстоятельство для васъ, конечно, неважное, но я просилъ бы взвѣсить его, при дальнѣйшемъ развитіи моей исторіи.

Надобно вамъ сказать, что шахъ Аббасъ, завладѣвши лучшими областями Грузіи, отдалъ приказъ выбирать красивѣйшихъ жителей обоего пола и отправлять въ сожженную солнцемъ Персію, на улучшеніе высохшаго народа аджамскаго. Много, въ то время, ушло туда нашего племени, и теперь еще вы найдете въ Персіи цѣлыя селенія, говоряція языкомъ Грузіи. Припомните вавилонскій плѣнъ Евреевъ, и вы догадаетесь, что Аббасъ слѣдовалъ примѣру древнихъ владыкъ востока, которые думали улучшать свои одряхлѣвшіе народы насильственной пересадкой племенъ болѣе свѣжихъ. Это было, конечно, заблужденіе: цѣль не достигалась, потому что насильственнымъ образомъ вы никогда не сольете двухъ различныхъ народностей. Но это въ сторону. Былъ отданъ еще другой, болѣе отвратительный приказъ: съ каждой новой луной, набирать въ городахъ и селахъ пятьдесятъ красавицъ и приводить ихъ въ персидскій лагерь. Шахъ самъ раздавалъ ихъ своимъ воеводамъ, отличившимся въ военныхъ дѣлахъ. А былъ у него одинъ ханъ, по имени Алла-верды, который не дожидаясь подачи отъ брата луны и самъ грабилъ дань въ томъ же родѣ. Это былъ самый сильный ханъ, предводитель татарской конницы, которая составляла лучшее войско Кизилбашей (сами они всегда были дрянъ). Ханъ Алла-верды стоялъ отдѣльнымъ станомъ, около Телавы, и какъ некого уже было бить, то онъ каждый день выѣзжалъ съ соколами на охоту. Вечеромъ же представлялась ему вышесказанная дань, и чудовище требовало, чтобъ самъ несчастный отецъ или братъ ее представилъ... Царь небесный! Какъ нашъ народъ не одурѣлъ

еще отъ тѣхъ варварскихъ временъ! Вы сказали, докторъ, что кахетинское тянуло Персовъ въ Грузію; я не могу вполнѣ съ вами согласиться и считаю необходимымъ добавить, что красота нашихъ женщинъ, которымъ нѣтъ равныхъ на востокѣ, также значила что нибудь въ этомъ случаѣ. Но что всего досаднѣе, такъ это то, что наши деревенскія красавицы, когда отпускались, съ окончаніемъ луны, изъ персидскихъ шатровъ, вздыхали по мягкимъ коврамъ иноплеменниковъ и жаловались на жестокость домашнихъ циновокъ, чего совсѣмъ не чувствовали онѣ прежде. Въ то время, нашъ народъ, который—замѣчу въ скобкахъ—не чувствуетъ недостатка въ юморѣ, сложилъ одну забавную поговорку, которая живетъ и до сихъ поръ: знать мѣтко пришлась къ нравамъ. Вы сами, впрочемъ, знаете, что непоколебимое постоянство и суровое презрѣніе роскоши не слишкомъ много занимаютъ мѣста въ прекрасныхъ качествахъ дочерей Иверіи. Исключите, однакожъ, Хорошану, юную и прелестную супругу тавада Шію, оскорбленнаго въ лагерѣ шаха Аббаса. Это была одна изъ тѣхъ великихъ женъ, которыхъ, время отъ времени, производила страна Иверская и которыя украсили ея исторію... Но позвольте: я, кажется, забѣгаю впередъ. Послѣдуемъ лучше за тавадомъ Шію. Онъ пріѣзжалъ къ шаху отъ царя... да; ну, посмотримъ же, что дѣлаетъ царь, когда шахъ Аббасъ куритъ кальянъ завоеванія у своего разноцвѣтнаго шатра.

Царь и тавады, съ остаткомъ разбитаго грузинскаго войска, стояли около Мхета, на крѣпкой позиціи, образованной сліяніемъ Куры и Арагвы. Когда была снята военная сила, поднялась другая сила, не падающая подъ ударами оружія. Духовенство вышло изъ своихъ келій и взяло на свои руки спасеніе отечества. Какъ въ старой удѣльной Руси, такъ точно и у насъ, оно мирило сильныхъ, соединяло слабыхъ, ободряло малодушіе толпы и создавало силу, гдѣ ея уже не было. По его голосу, изъ всѣхъ, не занятыхъ еще непріателемъ, областей народъ спѣшилъ къ Мхету; князя, не думавшіе никогда сойтись, сходились подъ царской хоругвью, обнимались, какъ братья, и клялись надъ хитономъ Господнимъ (хранившимся въ мхетской церкви) умирать другъ за друга. Между тѣмъ, просили помощи отъ единокровной Имеретіи, просили ее и отъ единовѣрной Москвы. Войско царя усиливалось съ каждымъ днемъ. Всѣ желали перейдѣ-

ти въ наступленіе. Ожидали только русской подмоги съ Терека и Днѣпра.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда тавадъ Шію держалъ обратный путь изъ аджамскаго лагеря къ Мичету. Послѣ того, что онъ сказалъ самому себѣ и что уже намъ нѣсколько извѣстно, вдругъ пришла ему еще такая мысль: зачѣмъ же я буду терять время, ѣздивши въ Мичетъ? Доставить царю такой отвѣтъ, какой далъ шахъ—да превратится его борода въ болото съ лягушками — никогда не будетъ поздно. И съ этой мыслью онъ повернулъ коня домой. Кто не знаетъ, что и плохой конь скачетъ домой скоро? А у тавада Шію былъ конь, на какомъ и шахъ Надиръ, въ послѣдствіи времени, не ѣздилъ...

— Ну, вы, просто, мучите наше любопытство, обозвался войсковой старшина: — тѣмъ болѣе, что вы упомянули о Днѣпрѣ.

— Нельзя же иначе: я хочу какъ можно ближе подойти къ моему дѣду, за исключеніемъ подробностей. Но имѣйте терпѣніе: чѣмъ дальше, тѣмъ дорога будетъ прямѣе и глаже... Такъ вотъ, Шію скоро увидѣлъ прекрасные глаза своей Хорошаны и, нѣжно прижавъ ее къ сердцу, сказалъ :

— Другъ мой Хорошаночка, шенчирими, шенегулими (матушка-голубушка); спаси отечество.

— Ра-ари? Какія рѣчи! Слабой ли женщинѣ спасти отечество, когда храбрѣйшіе тавады запрятались въ безопасный уголъ между Курой и Арагвой, какъ будто нарочито для ихъ малодушія слялись наши знаменитыя рѣки.

— Гдѣ двѣ сестры обнялись, гдѣ Кура и Арагва слялись на вѣчный союзъ, какъ съ тобою мы, тамъ соединились разрозненныя силы Иверіи. Это уже послѣднія ея силы — больше нѣтъ. И всего этого горсть, а Кизилбашей несмѣтное число. Братья Русскіе обѣщались придти, но Богъ знаетъ, перелетятъ ли орлы чрезъ снѣговыя горы. Что же мы въ состояніи сдѣлать? Что? Честно умереть и только... Но гдѣ уже храбрѣйшіе люди не могутъ ничего, тамъ женщина можетъ все... не силою руки, не мудростію совѣта, но безмѣрнымъ величіемъ любящаго сердца — можетъ все.

— Какъ же это, скажи. Я люблю тебя и родину больше жизни. Должна ли я взять оружіе — возьму и буду биться рядомъ съ тобою; выбьетъ сильный Кизилбашъ мечъ изъ руки, буду терзать его ногтями, грызть зубами...

— Не то... а эту любовь, которая... мнѣ одному принадлежитъ...

— Ну ?

— Мнѣ, мнѣ и никому больше... на малый срокъ, отъ вечерней звѣзды до утренней...

— Ну?

— Отдай хану Алла-верды...

Хорошана вскрикнула и пошатнулась. Шю поддержалъ ее, усадилъ на шахту и, ставъ передъ ней на колѣни и стиснувъ руки на груди, продолжалъ:

— Не главный станъ шаха, съ несмѣтной силой Кизилбашей, страшень Грузинамъ. Ихъ геройская увѣренность колеблется только передъ львомъ Азербейджана, ханомъ Алла-верды. Отложишь онъ отъ шаха—и Грузія спасена... А ее надо спасти, надо... во что бы то ни стало. И ты одна это можешь... не силой, а жертвой. Пришелъ часъ жертвъ, безмѣрныхъ, неслыханныхъ. Жертва жизни велика — послѣ нея, что еще? А нѣтъ, она не крайняя: есть жертва еще выше, и на нее имѣетъ право одна только любовь къ отечеству. Вотъ о какой жертвѣ тебя молю... цѣлую твои руки, твои ноги, слѣдъ твоихъ туфель...

— Остановись, Шю, опомнись... грѣхъ...

— Беру грѣхъ на свою душу... искуплю его моей кровью. Но ты, лучший другъ на свѣтѣ, будь Юдиною Иверіи! За то, чему нѣтъ цѣны, потребуй отъ Алла-верды отпаденія отъ шаха. Приведи его къ намъ, или отведи его въ сторону, или... сними ему голову.

— Сними же мою голову и самъ умри тамъ, въ послѣднемъ бою, подъ царской хоругвью.

— Но... этого мало... это ничего. Я умру впереди храбрыхъ. Богъ мнѣ свидѣтель, умру честно; но надобно, чтобъ отчизна жила. Ничья смерть, а твоя только жертва сохранить ей жизнь... И потомъ ты будешь жить для неба: меня уже не будетъ здѣсь. Ты будешь молиться и за себя и за меня... Хорошана, свѣтъ моихъ очей, печень моихъ внутренностей, напоминать ли тебѣ, что Иверія имѣла великихъ женъ, какихъ не имѣла никакая другая страна въ свѣтѣ? Онѣ председательствовали въ ея судьбахъ и вели ее путемъ Божьяго предопредѣленія. Иверія имѣла Нину, Тамарь...

И долго говорилъ благородный Карталинецъ, и дивны были

его рѣчи, какихъ не слышала еще мѣръ. Долго длилась эта борьба любви къ отчизнѣ и нравственнаго самосохраненія, — борьба, которой обыкновенная жизнь людей не можетъ представить ничего подобнаго, какъ не можетъ она представить минуты, когда цѣлый народъ стоитъ на краю пропасти и почва шатается подъ его ногами и судьба готова произнести рѣшеніе — жить ли ему, вдыхать ли вольный воздухъ, видѣть ли красоты голубаго неба и зеленыхъ горъ, или упасть въ пропасть, безъ свѣта, безъ воздуха, безъ дна, и падать все ниже и ниже, тяжело чувствовать жизнь и не жить... Хорошана постигла наконецъ величїе жертвы, нашла въ неизмѣримой глубинѣ сердца невѣдомую силу — и рѣшилась.

Самъ Шю, одѣтый въ лохмотья простолюдина, привелъ ее къ шатру хана Алла-верды. Ханъ Алла-верды былъ пеглеванъ, или богатырь, описаніе котораго можно найдти только въ «дербендъ-наме», или въ нашей «барсовой кожѣ» (*). Острая верхушка его шапки доставала до потолка самаго высокаго покоя; борода его была длиннѣе рукава чохи, а его рука, съ крашеной ладонью... все сокрушалось отъ силы его руки; даже отъ легкихъ дружескихъ объятій у многихъ захватывало дыханіе. Изъ глубины его гарема выходили слухи, возбуждавшіе смѣхъ и слезы... Хорошана, какъ ни ободряла себя, пришла, однако, въ смущеніе, когда въ первый разъ взглянула на этого аджамскаго Олоферна. Но ея смущеніе только увеличило очарованіе побѣдоносныхъ ея рѣсницъ. Ханъ поклялся бородою шаха и своей собственной, что никогда еще не видѣлъ такой красоты ни въ Иранѣ, ни въ Гурджистанѣ. Съ той же минуты, его могучее сердце, по выраженію Фердуси, начало грызть удило страсти и признало надъ собою власть юной Кахетинки. Шю видѣлъ, какъ горѣли глаза Татарина, какъ дрожала его борода — и все выдержалъ.

Послѣ прекраснаго вечера наступила ненастная ночь. Гроза разражалась на вершинахъ горъ, дождь заливалъ долины, буря срывала шатры въ татарскомъ станѣ, горные потоки ревѣли. Подъ шелковымъ наметомъ хана шелъ ожесточенный споръ. Алла-верды не соглашался на цѣну, которой требовала Грузинка. Онъ предлагалъ ей всѣ свои сокровища, всѣ наслажденія

(*) Героническія поэмы: первая — персидская, а послѣдняя — грузинская; обѣ — chefs d'oeuvre, или, по восточному — обѣ лучше.

Азербейджана, — все, кромѣ измѣны шаху. Хорошана отвергала все и требовала одной измѣны шаху. Не разъ могучій ханъ, какъ презрѣнный нукеръ, падалъ передъ ней на колѣни, цѣловалъ ея полы, не разъ приходилъ въ бѣшенство, какъ раненый вепрь, и заносилъ канджаръ надъ ея сердцемъ — оѧ все выдержала и не убавила цѣны.

Весь слѣдующій день ханъ просидѣлъ въ шатрѣ, задумчивъ и свирѣпъ, не прикасаясь къ пилаву, отталкивалъ калянъ, ни разу не подумалъ объ охотѣ. Гекимъ-баши, то есть главнаго врача, который явился къ нему съ лекарствомъ, а потомъ высокостепенныхъ мирзъ и казиевъ, пришедшихъ его утѣшать, онъ выпвырнулъ изъ шатра, какъ миндальныя скорлупки. Во всемъ лагерѣ царствовала мертвая тишина. Никто не смѣлъ съ полнымъ упоеніемъ потянуть чубукъ, ни громко щолкнуть зерномъ чотокъ; даже неукротимые туркменскіе жеребцы боялись ржать или издавать другіе звуки.

Послѣ вечерняго азама (призыва на молитву), ханъ спросилъ пилавъ и калянъ. Въ полночь онъ согласился на цѣну, вышпенную Хорошаной. Потребована была клятва, и онъ клялся бородою пророка.

На другой день, ханъ опять не выѣзжалъ на охоту, но ужъ не отъ злости: онъ лежалъ счастливымъ плѣнникомъ у вышитыхъ золотомъ туфель Грузинки. Гекимъ-баши и мирзы получили богатые пешкешы. Весь лагерь шумѣлъ и пировалъ, какъ вотъ скачетъ гонецъ отъ шаха съ извѣстіемъ, что къ Грузинамъ пришли стрѣльцы съ Терека, казаки съ Днѣпра, и что гяуры выступаютъ изъ Мцхета. Шахъ требовалъ, чтобъ Алла-верды присоединился къ нему чрезъ три дня. «Бели!» сказалъ Алла-верды гонцу и въ ту же минуту отдалъ приказъ ковать коней, печь лаваша и, вообще, готовиться къ походу въ большой аджамскій станъ. •

— Ты не пойдешь въ станъ шаха, не правда ли? сказала Хорошана, глядя жесткую бороду хана.

— Непремѣнно пойду, отвѣчалъ ханъ, зѣвая.

— Безстыдный! вскричала Хорошана: — такъ ли ты держишь свою клятву?

Алла-верды захохоталъ такъ искренно, такъ сердечно, что на глаза его выступили слезы. Мирзы, слыша ханскій хохотъ

за десять шатровъ, бросили дѣло и принялись хохотать. Успокоившись наконецъ немного, ханъ молвилъ добродушно :

— Прелестныя и легкія существа, не для того ли вы созданы, чтобъ вами играть и васъ обманывать, какъ дѣтей! Тончайшая кисея, вы сами сотканы изъ лукавства и обмана, и ужели такой человѣкъ, какъ я, можетъ клясться за правду предъ хорошенькой игрушкой?

Тогда уже и Хорошана расхохоталась и страстно обвила бѣлоснѣжными ручками загорѣлую и толстую шею хана. Совершенно согласно съ мнѣніемъ Татарина, она представила изъ себя легкую игрушку; но въ душѣ ея поднималась цѣлая буря негодованія и мести. Нѣжно сжимая шею богатыря, она пробовала ея твердость, измѣряла толщину.... Въ ту же ночь, рѣшилась она отрѣзать голову хану Алла-верды.

Она выжидала, когда богатырь захрапитъ своимъ тяжелымъ, неуклюжимъ сномъ; она притворилась усталою и спящею, притворилась — да и заснула. И посѣтило ее дивное сонное видѣніе. Явился старецъ, убѣленный сѣдинами, въ ветхомъ рубищѣ отшельника, съ лицомъ кроткимъ и просвѣтленнымъ постомъ цѣлой жизни, съ тѣломъ, подобнымъ легкой, чистой ткани, ибо порокъ и наслажденіе не касались его отъ самой колыбели. Старецъ поднялъ руку и сталъ благословлять Хорошану. «Не достойна, отче—вскричала она—не достойна благословенія осквернившая себя на лонѣ невѣрнаго и приготовившая руки на вѣроломное убійство!» Старецъ вѣщалъ: «Отложи намѣреніе твое, о лучшая изъ дочерей Иверіи! Не поднимай руки на хана Алла-верды, призванъ бо есть на великое дѣло: его жизнь довершитъ спасеніе нашей отчизны, его кончина воздвигнетъ обитель изъ развалинъ, надъ которыми плачу долгіе годы. Твою же тяжкую жертву освятятъ благословеніе матери-церкви и долгіи иноческій подвигъ. Заутра повѣдай хану желаніе вкусить снѣда отъ его собственной ловитвы....» Еще благословилъ старецъ колѣно-преклоненную Хорошану и сталъ невидимъ.

По утру, лаская хана, Хорошана жаловалась, что ей какъ будто дурно, что она сама не знаетъ, чего ей хочется, — и вдругъ захотѣлось ей кебаба изъ джайрана, убитаго собственною рукою хана.

— И въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ ханъ Алла-верды:—вѣдь я ужъ два дня не выѣзжалъ въ поле. Когда это со мной было!

Это ты, волшебница, сдѣлала меня такимъ домохозяиномъ. Гей, псаря, сокольники, доѣзжайте, на охоту! Весь лагерь, чортъ подери, на охоту!

И шумный поѣздъ, стуча въ бубны, визжа въ зурны, двинулся въ лѣсъ, по дорогѣ къ развалинамъ обители святаго Георгія.

Первый джайранъ, убитый рукою хана, былъ посланъ къ Хорошанѣ съ 12 мирзами. Охота была чрезвычайно удачна. Алла-верды клялся бородою Абу-бекра, что это былъ лучший день въ его жизни. Краснаго звѣря было набито и наловлено несмѣтное количество. Наконецъ кони и псы устали. Спущены были соколы. «Опустошили землю, опустошимъ и воздухъ! — кричалъ ханъ въ восторгѣ.—Мои соколы схватятъ солнце, если не успеютъ оно спрятаться за тучу....» И вотъ первый, любимый соколъ хана, прозванный Стрѣлой, напустился на куропатку. Къ общему и невыразимому удивленію, онъ летѣлъ вяло, тупо: куропатка отъ него уходила. Алла-верды пришелъ въ ярость. Онъ мчался на конѣ, какъ буря, и поощрялъ сокола страшнымъ крикомъ. Вдали, на утесистомъ берегу Амазани, стоялъ на колѣняхъ старецъ, въ рубищѣ отшельника, и молился. Полуденное солнце обдавало огнемъ его открытыя сѣдины. Это былъ отшельникъ Додо. Онъ молился объ избавленіи родины отъ тяжкаго нашествія иноплемениковъ. Истощивъ всѣ скорби тѣла, онъ выходилъ на утесъ, въ жаркій часъ полудня, и подставлялъ жгучимъ лучамъ солнца убѣленную годами и подвигами голову. И его молитва была пламенна, какъ солнце полудня.

Соколъ оправился и уже настигалъ свою добычу. Уже распрямилъ онъ когти и клювъ его скользнулъ по крылу куропатки. Вдругъ она переломила полетъ, ринулась къ землѣ и скрылась подъ полой молящагося пустычника. Соколъ медленно закружилъ надъ головою старца. Ханъ видѣлъ, гдѣ укрывалась добыча его любимаго сокола, и, наскочавъ на отшельника, грозно крикнулъ:

— Спугни изъ-подъ полы птицу!

Отшельникъ молится.

— Тебѣ говорю: спугни птицу.

Отшельникъ молится, глубоко и пламенно молится о спасеніи бѣдствующей родины, и все его сердце унеслось въ небо, и

весь земной міръ, съ его красотами и ужасами, уже исчезъ для его чувствъ.

— Такъ ты не слушаешь меня, дерзкій гяуръ! вскричалъ ханъ, виѣ себя отъ ярости, и занесъ канджаръ надъ головой отшельника.

Отшельникъ молится.

Тогда желѣзо визгнуло въ воздухѣ и, прикоснувшись къ сѣдинамъ старца, разлетѣлось вдребезги. Ханъ упалъ съ коня, и его рука, сжимавшая рукоять канджара, онѣмѣла, усохла.

А отшельникъ молится — «о ненавидящихъ и обидящихъ насъ».

Пораженный чудомъ и неслыханнымъ дотолѣ словомъ, словомъ молитвы, гордый ханъ смирился, призналъ силу выше человѣческой силы и сталъ молить старца:

— Отпусти мой грѣхъ, возврати мнѣ руку: отдамъ ее на служеніе народу христіанскому.

Благословеніе старца оживило руку Алла-верды, и первый лучъ вѣры проникъ въ это мрачное, чувственное сердце...

Вечеромъ того же дня, когда полный мѣсяцъ поднимался изъ-за горъ, тавадъ Шіо и отшельникъ Додо бесѣдовали на пустынномъ берегу Алазани. Долго шла ихъ тихая, сердечная бесѣда. Наконецъ старецъ поднялся и молвилъ: «Приближается часъ моей молитвы, Иди съ миромъ, сынъ мой, не сомнѣвайся больше — сомнѣніе спасаетъ рѣдко, губить часто; спѣши обнадежить царя: ханъ будетъ за насъ. Придетъ онъ въ ту минуту, когда судьба битвы подниметъ вѣсы и однимъ отложитъ славу, другимъ—горькій стыдъ. Спѣши же, о лучшей изъ сыновъ Иверіи: грозный день приближается; отвези мое благословеніе нашимъ и православнымъ братьямъ нашимъ, Русскимъ. Благословенъ ихъ приходъ и благословитъ ихъ Господь великимъ будущимъ, и будетъ земля наша дщерію ихъ земли, и горы падутъ предъ ними, и народы непреклонные поклонятся имъ....» Шіо отеръ радостную слезу, сѣлъ на коня, и частый звукъ подковъ слышался долго по глухой тропинкѣ къ Гори. Отшельникъ стоялъ на пустынномъ утесѣ Алазани и молился въ тишинѣ ночи. Далеко, къ Телаву, слышался шумъ снимающагося татарскаго лагеря

Воевода стрѣленній и атаманъ казацкій очень торопили грузинское войско. Они говорили царю: «къ побѣдѣ не ходятъ тихимъ ходомъ, а летаютъ летомъ». — «Но какъ бы не попасть въ сѣти — Кизилбаши очень хитры на войнѣ», возражалъ царь. — «Авось!» отвѣчали Русскіе и прибавляли шагу. Чуденъ и новъ былъ этотъ языкъ грузинскимъ тавадамъ. Они слишкомъ вѣрили въ хитрость Кизилбашей и теряли иногда отъ излишней осторожности. Тогда они шли не своей природной поступью. Отвага и молодечество — ихъ природныя свойства. И теперь въ русскомъ авось слышалось имъ что-то родное, отъ чего у каждаго сердце билось весело.

Аббасъ тоже былъ на походѣ отъ того мѣста, гдѣ посадилъ онъ сѣмена царскаго яблока и хотѣлъ дожидаться отъ нихъ роскошнаго сада. Его войско облѣнилось и двигалось нога за ногу. Самъ онъ часто оглядывался назадъ и всё твердилъ: «что жъ это не видать нашего хана? давно бы, кажется, пора быть ему здѣсь; пошлите еще чапара (гонца)». Это былъ уже сто-первый чапаръ. Алла-верды давалъ имъ всѣмъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «бели, бели!» а самъ останавливался на каждомъ шагу и все о чѣмъ-то раздумывалъ.

Оба войска, христіанское и невѣрное, сошлись наконецъ, не припомню, въ какомъ мѣстѣ. Нѣмецъ, состоявшій при царѣ въ должностяхъ врача и инженера, началъ говорить воеводѣ насчетъ позиціи: воевода махнулъ рукой. Онъ обратился къ атаману: тотъ только посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ и продолжалъ курить люльку. Аббасъ, между тѣмъ, построилъ свои полки очень красиво и ободрялъ ихъ малочисленностію гяуровъ, но самъ все оглядывался назадъ и твердилъ каждую минуту: «да гдѣ же ханъ?...» Ему было очень грустно, голосъ его былъ слабъ. Чтобъ развлечь себя, онъ бралъ подозрную трубу и наводилъ ее на противниковъ: Тутъ, какъ на зло, попадались ему или воевода, въ своей высокой шапкѣ, или атаманъ, съ своей длинной пикой. Онъ бросилъ наконецъ трубу и проговорилъ съ волненіемъ: «Выстроились не очень красиво, но эти сарылары, сарылары (рыжѣ)!... откуда взялись? какъ черезъ горы перелѣзли? Эхъ!... На хана одна надежда.»

Но ханъ не являлся. И шахъ и царь, разсчитывая на него въ равной мѣрѣ, не рѣшались начать бой. Ничего этого не зная, воевода сердился и говорилъ: «Это все Нѣмецъ копається тамъ

съ своей позиціей... и на кой ее чортъ!... Но чего жь будемъ еще ждать? прибавилъ онъ, обращаясь къ атаману: начинай». Атаманъ началъ. Бой скоро сдѣлался общимъ. Наши рѣзались на славу; но шахъ выдвигалъ все свѣжіе полки. Побѣда колебалась. Вдругъ, на ближайшей высотѣ, зачернѣлось, какъ туча, татарское войско. Кизилбашаи подняли радостный крикъ, наши присмирѣли. Царь обскакивалъ свои ряды и ободрялъ ихъ словами: «Не унывайте, вѣрные мои тавады и воины: Татары будутъ за насъ, а не противъ насъ.» Воевода говорилъ стрѣльцамъ: «Ребята, за насъ ли, противъ ли насъ будутъ Татары, это все равно. Ломите дружно все, что будетъ впереди, а не сдольемъ, такъ ляжемъ костями на мѣстѣ и не положимъ безславья на русское имя: по завѣтному слову нашихъ дѣдовъ, мертвіи срама не имуть.» Атаманъ тоже обратился къ своему товариществу и сказалъ: «Утекать, братцы, некуда, сами видите. До Днѣпра далеко, да тамъ же нѣтъ у насъ ни женъ, ни дѣтей — плакать будетъ некому: такъ ужъ коли не то, сложимъ головы добрымъ порядкомъ и не покажемъ басурманамъ проклятымъ прорѣхъ и заплатъ на спинахъ казацкихъ.»

Бой закипѣлъ съ новой силой. Алла-верды заходилъ съ своими Татарами въ бокъ обѣимъ дерущимся сторонамъ. «Скорѣе, скорѣе! кричалъ Аббасъ: мочи нѣтъ, какъ напираютъ.»

— «Бу-сагаты, сейчасъ!» отвѣчалъ ханъ и сдѣлалъ полуоборотъ налѣво, на Аджамовъ. Тогда всѣ ихъ и тысяченачальники почувствовали непреодолимое желаніе устремиться назадъ; но никто не смѣлъ прежде шаха. Когда же его благополучіе повернуло коня хвостомъ къ противникамъ и положило бороду на гриву, въ ту минуту все, что было на двухъ или на четырехъ ногахъ, ударилось бѣжать съ такой быстротой и силой, что у самыхъ храбрѣйшихъ людей, по выраженію поэта Гафиза, пятки истолклись въ порошокъ... Нужно ли прибавлять, что станъ Персовъ и все, что только было у нихъ своего или награбленнаго, досталось побѣдителямъ? Однѣхъ туфлей, по словамъ летописца, собрано, отъ поля сраженія до границы, нѣсколько тысячъ аробъ. Великодушный тавадъ Шію найденъ въ числѣ убитыхъ, въ самыхъ первыхъ рядахъ. Надъ нимъ плакалъ молодой воинъ, въ татарскихъ доспѣхахъ. Это была Хорешана... Съ копьемъ въ рукѣ, съ кольчугой на нѣжныхъ плечахъ, она вела хана и удерживала его въ минуты колебанія, а такія минуты

были. Съ первыми бросилась она въ бой и все искала Шю, чтобъ биться съ нимъ рядомъ, но нашла уже одинъ его трупъ. «Честно сдержалъ ты свое слово—говорила она, рыдая—исполню и я твое завѣщанье—буду жить для неба, и вся жизнь моя будетъ молитва...» Ханъ Алла-верды получилъ смертельную рану, какъ полагаютъ, отъ руки самого шаха. Онъ жилъ еще нѣсколько дней, просвѣтился святымъ крещеніемъ и умеръ не только христіаниномъ, но и вторымъ супругомъ Хорошаны. По желанію обоихъ, церковь благословила ихъ союзъ. Поплакавъ надъ двумя могилами, Хорошана удалилась отъ міра и, какъ предсказалъ ей старецъ въ ночномъ видѣніи, искупила свой высокій, но грѣховный подвигъ долгимъ подвигомъ иноческимъ. Въ этомъ мѣстѣ, наши лѣтописи гласятъ: не было и не будетъ такого любящаго сына отчизны, какъ Карталинецъ Шю; не было и не будетъ такой любящей жены, какъ Кахетинка Хорошана.

Воевода отошелъ на Терекъ съ великой честью. Когда царскій врачъ и инженеръ поднесъ ему маршрутъ на нѣсколькихъ листахъ, онъ сказалъ: «не надо — и такъ пройдемъ!» Казаки пустили пики за плечо, затанули пѣсню, не то веселую, не то заунывную, и отправились напрямикъ, безъ дороги, въ приморскія области Персіи. Что они тамъ дѣлали и какъ оттуда выбрались — неизвѣстно.

— И самъ вашъ историкъ Вахтангъ ничего не скажетъ, пробормоталъ войсковой старшина, не открывая глазъ.

Эстате не слышалъ этого и продолжалъ:

— Ханъ Алла-верды, умирая добрымъ христіаниномъ, завѣщалъ свои несмѣтныя сокровища на возобновленіе обители святаго Георгія, покровителя Иверіи. Она возстала въ прежнемъ своемъ величій. Пирамидальный куполь соборной церкви снова вознесся къ прекрасному небу Кахетіи. Но уже дворца, съ высокими теремомъ, не было въ Телавѣ: столичный городъ лежалъ въ развалинахъ. Обновленіе монастыря праздновалось осенью, послѣ сбора винограда. Почти всѣ жители Кахетіи и Карталініи съѣхались на этотъ праздникъ. Каждый, какъ это и доселѣ водится, привезъ барана и хорошій мѣхъ молодого вина. Послѣ службы, вокругъ всей обители, на огромномъ пространствѣ, дымились огни, жарились кебабы и наполнялись азарпешы. У нашего народа есть обычай: при угощеніи азарпешей, призывать имя какого нибудь святаго, преимущественно св. Геор-

гя, а потомъ уже произносить имена родныхъ, покровителей, благодѣтелей и благопріятелей, какъ живыхъ, такъ и умершихъ. Когда провозглашались первыя азарпешы во имя святаго покровителя Иверіи, согбенный подъ бременемъ лѣтъ и духовныхъ подвиговъ, старецъ Додо, свидѣтель паденія и возстановленія обители, обходилъ станъ и приглашалъ народъ помянуть Алла-верды, довершителя побѣды надъ врагами и возстановителя древнѣйшей святыни земли Иверской. И вотъ, за второй азарпешей, раздалось во всемъ станѣ: *Алла-верды! Новообращенные Татары, ближайшіе сподвижники умершаго въ христіанствѣ хана, горячо откликнулись: якши-олъ! За ними и весь народъ повторилъ: «якши-олъ! якши-олъ!»* (Выраженіе полного сдгласія и одобренія или удовольствія.)

Этотъ праздникъ у стѣнъ монастыря святаго Георгія сталъ повторяться ежегодно, съ такимъ же огромнымъ съѣздомъ и съ тѣми же кликами: *алла-верды* и *якши-олъ!*

Скоро народъ разнесъ эти клики во все концы Грузіи, усыновилъ ихъ у домашняго очага и украсилъ ими ковшъ радости — азарпешу. Самая обитель св. Георгія получила тогда же названіе: *Алла-верды*, которое остается при ней донинѣ и служитъ историческимъ подтвержденіемъ народному сказанію о подвигахъ Шіо, Хорошаны, Хана

Если вамъ случится быть неподалеку отъ Телава, посѣтите алла-вердскую обитель. Главный храмъ ея, съ пирамидальнымъ куполомъ, рѣдкой смѣлости, познакомитъ васъ съ классическимъ стилемъ грузинской архитектуры. Какъ хотите, а я такого мнѣнія, что въ архитектурѣ, не менѣе, какъ и въ литературѣ, видѣнъ народъ. Иванъ Великій на Москвѣ рѣкъ и алла-вердскій соборъ на Алазани скажутъ о народѣ, пожалуй, еще больше, чѣмъ иная книга... Алла-вердскій соборъ будетъ немного ниже Ивана Великаго. Въ немъ нѣтъ ничего тяжелаго, ничего этакого, что сразу налегло бы на вашъ взоръ, хотя на немъ помѣстилось уже десять вѣковъ—столько, сколько прожила общая мать наша Русь. Все части его такъ стройно сливаются въ одно цѣлос, какъ изящно выраженная мысль; а такая мысль живетъ вѣка и все она свѣжа. Очерки дверей и оконъ, карнизы, наличники, рѣзба, лѣпныя украшенія дадутъ вамъ понятіе

объ эстетическомъ развитіи вкуса старой Грузіи. Никакого блеска не найдете вы внутри церкви. Старинная стѣнная живопись забѣлена. Но вамъ покажутъ множество цѣнныхъ и любопытныхъ вещей, принесенныхъ въ даръ древней святынѣ. Все это хранится въ подвалахъ. Это настоящій музеумъ. Надобно вамъ сказать, что алла-вердскій монастырь пусть и необитаемъ. Причиною тому полагаютъ лихорадочный климатъ долины, на которой онъ стоитъ. Климатъ измѣняется отъ землетрясеній, а еще больше отъ жадности и безпечности человѣка, отъ этой знаменитой поговорки, существующей на всѣхъ языкахъ: послѣ насъ хоть трава не расти... Въ опустѣлой обители живетъ одинъ только сторожъ, какой нибудь благочестивый человѣкъ, посвятившій себя пустынной жизни. Такъ ужъ вѣрно суждено этому мѣсту вѣчное молчаніе кладбища. Но я не знаю въ Грузіи другаго, болѣе народнаго праздника, какъ тотъ, который бываетъ въ алла-вердскомъ монастырѣ каждую осень, послѣ сбора винограда. Сюда стекаются не только Грузины со всѣхъ концовъ Кахетіи и Карталиніи, но и жители горныхъ ущелій: Пшавы, Хевсуры, Лезгины; не только христіане, но и магометане, потому что Лезгины магометане, по крайней мѣрѣ по имени. И у нихъ живетъ преданіе объ Алла-верды... Вотъ бы вы посмотрѣли, какъ тогда оживляется пустынная обитель! Праздникъ идетъ совершенно тѣмъ же порядкомъ, какъ въ первый день по возобновеніи ея. Тысячи барановъ заколоны, тысячи винныхъ мѣховъ развязаны, тысячи голосовъ повторяютъ имя «Алла-верды». Значитъ, событіе, запечатлѣнное этимъ именемъ, было въ высшей степени народное... Пускай исторія теряетъ какъ нибудь заслуженное, но такъ-себѣ несчастное имя— оно не затеряется въ народной памяти. Много, конечно, именъ, облагодѣтельствованныхъ исторіей, живетъ въ книгахъ, въ мраморѣ, въ бронзѣ и прочемъ; но есть ли имя, которое, бывъ пропущено исторіей, жило бы цѣлыя столѣтія въ устахъ цѣлаго народа, въ стѣнахъ древнѣйшей обители и на краю азарпеши? Таково имя Алла-верды, которое вотъ здѣсь у насъ, въ одинъ вечеръ, повторилось уже разъ сто, если не больше. И не съ первымъ ли съ нимъ вы познакомились, когда прибыли въ Грузію? Господинъ маіоръ повторяетъ его ужъ двадцать почти лѣтъ и не зналъ до нынѣшняго вечера, что онъ служить орудіемъ—не исторической, но, тѣмъ не менѣе, громкой

извѣстности хана Алла-верды. Записывайте каждый разъ, какъ будете слышать или сами произносить это имя, въ продолженіе нынѣшней войны: вы увидите, что ни имя Цезаря, ни имя Суворова и Наполеона не пользуется такой непрерывной, неумолкающей извѣстностью, какъ имя Алла-верды. И представьте только, что это извѣстность—не историческая! Вотъ какъ мстятъ за себя имена, о которыхъ не позаботилась исторія!

— Но этого мало, имя Алла-верды переживетъ, быть можетъ, всѣ историческія имена, потому что оно слилось съ азарпешей... Омаръ сожжетъ книги и патенты, папа перельетъ бронзовые памятники на колонны, а азарпеша будетъ жить до тѣхъ поръ, пока не истребится на земномъ шарѣ виноградная лоза.

ЕСАУЛЪ.